

РУСОФОБИЯ

ИГОРЬ

ШАФАРЕВИЧ

Игорь Шафаревич

Русофобия

«Алисторус»

1982

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

Шафаревич И. Р.

Русофобия / И. Р. Шафаревич — «Алисторус», 1982

ISBN 978-5-907024-81-6

Имя выдающегося мыслителя, математика, общественного деятеля Игоря Ростиславовича Шафаревича не нуждается в особом представлении. Его знаменитая «Русофобия», вышедшая в конце 70-х годов XX века и переведенная на многие языки, стала вехой в развитии русского общественного сознания, вызвала широкий резонанс как у нас в стране, так и за рубежом. Тогда же от него отвернулась диссидентствующая интеллигенция, боровшаяся в конечном итоге не с советским режимом, но с исторической Россией. А приобрел он подлинное признание среди национально мыслящих людей. На новом переломном витке истории «Русофобия» стала книгой пророческой. Прежние предположения автора давно стали действительностью. В настоящее издание включены наиболее значительные работы И. Шафаревича советского периода.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907024-81-6

© Шафаревич И. Р., 1982

© Алисторус, 1982

Содержание

Русофобия	5
Предисловие	5
От автора	6
1. Цель работы	11
2. Взгляд на русскую историю	14
3. Планы для России	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Шафаревич

Русофобия

Русофобия

Предисловие

Работы, собранные в этой книге, были опубликованы раньше, но, к сожалению, не потеряли связи с современной жизнью, что я и стараюсь пояснить в предисловии.

Основная мысль, которую я в разных работах подкрепляю разными аргументами, заключается в следующем. Сила, жизнеспособность государства определяется не эффективностью его администрации, мощностью его армии или производительностью экономики, но цельностью его национальной жизни. Иногда государство объединяет несколько народов – как, например, в Великобритании, но среди них всегда есть один «государствообразующий», усилиями которого государство было создано, на культурные традиции которого оно опирается.

С этой точки зрения современная Россия представляет собой неестественный и больной организм (каким был и СССР). Сейчас в России имеется около двадцати республик, считающих себя национальными, имеющих «титულную» нацию, что подчеркнуто в их конституциях. Но подавляющее большинство жителей этих республик – русские, а «титулные» нации составляют около 8 % населения. Такое положение неустойчиво и мешает объединению народных сил в наше кризисное время. Более того, графа «национальность» удалена из паспортов (хотя «пол» еще остался), национальность перестала быть юридическим понятием. Теряет смысл даже вопрос о национальном составе России. Также невозможно хотя бы учесть национальный состав громадного потока переселенцев, въезжающих в Россию, – не говоря о том, чтобы его регулировать, исходя из русских национальных интересов.

После распада Советского Союза русский народ оказался разделенным между несколькими государствами, подобно немецкому после конца Великой Отечественной войны. Но в нашем случае в Российской Думе нет ни одной партии, которая заявляла бы как свою политику – будущее воссоединение русского народа. Надо явно признать, что наш народ сейчас лишен своего государства, является редким в мире народом без государства – в роде басков.

Эти явления, конечно, тесно связаны с тем, что происходит в духовной области. В том государстве (называемом РФ), где русские составляют подавляющее большинство населения, всякая попытка понять его историю и культуру встречает резкое сопротивление – клеймится термином «экстремизм», а для борьбы с «экстремизмом» принят специальный закон.

Слово «русский», которое мы больше не увидим в своих паспортах, в пропаганде оказалось очень популярным. Например, в таких выражениях, как «русский фашизм – хуже немецкого» или «Россия – мировая черная дыра». А часто то же явление проявляется и без использования слов «русский» или «Россия». Например, когда в Большом театре ставится опера на либретто автора, известного своими порнографическими творениями.

Попытка понять весь этот комплекс вопросов и объединяет работы, собранные в настоящей книге.

Апрель 2005 г.

От автора

До революции общественное мнение России, да и всего мира, чутко отзывалось на выражения недовольства многих входивших в Россию народов: звучал и «польский вопрос», и «финский вопрос», и «еврейский вопрос»... Но о «русском вопросе» слышно было редко. И так же дальше шло в нашей истории.

При коммунистической власти направление задал один из последних документов, написанных Лениным (1923 г.): «Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывалось в жизни фактической». (Удивительно, как легко марксисты забывают свои принципы «классового подхода к истории», когда речь заходит о нациях, особенно о русских. Вот и Маркс с Энгельсом называли русских «контрреволюционной нацией».) Так и остались русские на десятилетия в роли «возмещающих», хотя никто не подсчитал, кого и насколько они угнетали и каков же объем этих наложенных на них «интернационалистских репараций».

Во время войны Сталин стал употреблять слово «русские», после войны назвал русский народ «наиболее выдающейся нацией из числа наций, входящих в Советский Союз». Но когда группа руководящих коммунистических деятелей попыталась, строго в рамках тогдашней системы, как-то реализовать эту фразеологию, то кончилось все расстрелами и арестами («Ленинградское дело»). С другой стороны, в ЦК было даже созвано совещание историков, чтобы «дать отпор ревизионистским идеям», например «требованию пересмотреть <<...>> вопрос о царской России как тюрьме народов».

И после смерти Сталина общественное мнение либеральной и оппозиционной интеллигенции, по существу, восприняло точку зрения Ленина о «справедливом неравенстве» между русскими и другими народами СССР. Я знал тогда людей, которые готовы были напрочь поломать свою жизнь, отстаивая права крымских татар. Хотя, например, о судьбе донских казаков, число которых за время Гражданской войны сократилось более чем вдвое, никто не поминал. Да и тогда же «русский вопрос» весьма остро стоял, например, в Чечне (тогда – Чечено-Ингушской АССР). Там жило около полумиллиона русских (больше, чем татар в Крыму). Сейчас их осталось совсем немного (в основном старики, которым некуда податься). И то, как их выживали, убивали, грабили, насиловали, не волновало ни тогдашних правозащитников, ни современных политиков, так охотно драпирующихся в патриотические одежды. Равнодушие к судьбе своего народа легко переходило во враждебное его осуждение. И средний советский интеллигент, и западный советолог, и различные «голоса», вещавшие на СССР, все сходились на том, что наша страна – колониальная русская империя. Термин «тюрьма народов», которого власти уже стали стыдиться, перешел в оппозиционный самиздат. Тогда же стала допускаться эмиграция, и эмигранты, уже не боясь, ярко высказывали те же чувства.

Вот этому явлению и была посвящена первая работа из числа собранных в книге («Русофобия»). Меня поразило странное явление. Казалось понятным, что русские за свою длинную историю могли нажать себе недоброжелателей. Но как понять «русофобию русских» или, по крайней мере, людей, пишущих «мы, русские...»?

Только позже я узнал, что явление это – старое, да и сам термин применялся именно в этой связи. О людях этого направления еще Пушкин писал:

И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Позже Тютчев писал (в письме дочери):

«Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... Раньше они говорили нам, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., что именно бесспорным наличием всего этого им и нравится Европа... А теперь что мы видим? По мере того как Россия, добываясь все большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается».

Он писал по поводу некоторых тогдашних высших сановников (министра внутренних дел и шефа жандармов), что для них «так называемая русская народность есть не что иное, как вранье журналистов». Он говорит:

«До сих пор это явление не было достаточно подробно исследовано... это происходит не только вследствие недоразумения, глупости, неправильного понимания или суждения. Корень этого явления глубже, и еще неизвестно, докуда он доходит».

В этот же ряд наблюдений укладывается и мысль Достоевского:

«Они ненавидят Россию, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят».

И уже в XX веке Розанов писал:

«Дело было вовсе не в “славянофильстве” и “западничестве”. Это – цензурные и удобные термины, покрывающие далеко не столь невинное явление».

И он так очерчивает это мировоззрение («явление»):

«Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного звена... Это ужасный фантом, ужасный кошмар, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеет мы, и для этого рассеяния остаемся на этом проклятом месте Восточной Европы».

С другой стороны, явление это далеко не специфически русское. В указанной работе я привожу совершенно аналогичные его проявления в разных странах. По-видимому, это обычный признак кризиса, переживаемого каким-то народом.

К моему удивлению, «Русофобия» вызвала чрезвычайно много откликов. Они и сами дают яркую картину рассматривавшегося в работе явления – обзору их я посвятил вторую работу, помещенную в этой книге. Но больше всего в этих откликах меня поразило то, что подавляющая часть их касалась лишь одного (и не основного) вопроса, затронутого в работе. А именно невозможно было не заметить, что среди разбираемых авторов (самиздатских или эмигрировавших и печатавшихся на Западе) исключительно велико было участие еврейских публицистов. Причем не только по именам, но и по тому, какое место в их публикациях занимали темы, волновавшие тогда еврейство (ограничения эмиграции, опасность антисемитизма). Да еще я сопоставил это явление со столь же бросающимся в глаза участием еврейских революционеров в руководстве коммунистической власти первое время после революции.

Сам характер этих отзывов порастил меня. В подавляющей части они были критическими в отношении моей работы. Но «критическими» отнюдь не в общепринятом смысле. Это не было опровержение приведенных там фактов или логики рассуждений. Алогические контраргументы обычно были столь элементарно несостоятельны, что интеллигентные авторы легко могли бы это сами заметить. Очевидно, это был взрыв иррационального возмущения: как можно обсуждать столь «недопустимый вопрос»? Существование такого «табу» было мне ясно и до того, но я не представлял себе его универсальный масштаб по всему миру – вплоть до США. А у нас это совпало с эпохой провозглашения гласности. Казалось общепризнанным, что необходимо стремиться к открытому обсуждению любого вопроса. Но вот в одной области упразднились и плюрализм, и толерантность.

Такое особое отношение лишь к одной области жизни, такая управляемость и табуизированность «общественного мнения», причем во всем мире, выявляли, очевидно, поразительную и важную черту современной жизни. Это и привлекло мое внимание к роли еврейства в современности, да и в прошлом. Факты, соображения, собранные за много лет, легли в основу работы, завершающей книгу.

Основной вывод, к которому я там пришел, заключается в следующем. Рассеянное по миру еврейство давно играло большую роль в жизни многих народов – начиная с античности. Начиная с XVII–XVIII вв. это влияние стало быстро расти и росло до наших дней. В нашей стране это влияние особенно ярко проявилось в перевороте 1917 г. и в перевороте конца 1980-х – начала 1990-х гг. Но оно не слабее и на Западе, особенно в США. Причина (механизм) столь сильного влияния видится мне так. Будучи рассеяно по всему миру, еврейство тем не менее обладает поразительным свойством очень легко заражаться одним настроением, подчиняться влиянию активного меньшинства. Один из влиятельных вождей еврейского национализма в XIX в., Гретц, назвал его «чудесной взаимосвязью, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира», другие предлагали иные формулировки, многие (еврейские) мыслители высказывали свое недоумение по поводу этого явления. Исторически оно сложилось за громадный промежуток времени (более 2500 лет только подтвержденной источниками истории) из следующих основных факторов:

- 1) религиозная концепция избранности, сформулированная еще в Пятикнижии, но впоследствии переосмысливавшаяся в чисто светской форме;
- 2) развитая в талмудической литературе концепция принципиального отличия евреев от других людей, так что к ним просто не применимы общие мерки;
- 3) система организации еврейских общин в кагалы. Она существовала начиная со Средних веков и до Французской революции в Западной Европе и до XIX в. в Восточной. Она была основана на жесточайшем подчинении каждого члена общине. Живущий в Израиле автор – Израиль Шахак – называет ее «одним из самых тоталитарных обществ в истории»;
- 4) возникший в XIX в. «наследник» этой организации – сеть «закрытых» (для неевреев) обществ, покрывающих сейчас США и Западный мир вообще. Вместе эти факторы превратили еврейство (понимая этот термин весьма широко) в незаменимое орудие социального переворота.

Я не вижу аргументов, указывающих на то, что еврейское влияние является основным, определяющим фактором истории. Кризис в жизни какого-то народа или общества созревает на основе логики его собственной истории, как следствие решений, свободно принятых отдельными людьми (или обществом в целом). Но в ряде ситуаций видно, как эта струя вливается в уже возникший где-либо кризис, способствуя победе более радикальных тенденций и укреплению победившей партии переворота. Современный автор, публикующийся в России (Д. Фурман), пишет: «Везде, во всем мире роль евреев в прогрессистских и революционных движениях всегда была совершенно не пропорциональна их удельному весу в населении». Как он пишет, во время «первичного революционного цикла» (Подразумевается революция 1917 г. – И.Ш.) «большинство политически активных евреев выступало на стороне революции... одновременно устанавливающей тоталитарный режим». И автор продолжает: «На мой взгляд, в очень смягченной форме ту же логику в отношении большинства евреев мы видим и в 1989–1993 годах». И в ряде исторических ситуаций, многие из которых описаны в работе, видно, что так называемый «еврейский вопрос» проявляется не как национальный вопрос, а как вопрос о власти. А мировое еврейство с его уникальными, выработанными тысячелетиями свойствами является лишь очень важным орудием при подготовке радикального переворота и удержании новой власти.

Особенно в истории нашей страны в XX в. эти черты проявились с необычайной яркостью. Например, в период так называемого «застоя», когда коммунистическая власть пыта-

лась обойтись без этого фактора поддержки: несколько уменьшить еврейское влияние. А кончилось все крахом этой власти. И многократно обсуждавшиеся ситуации – перевороты 1917 г. и конца 1980-х – начала 1990-х гг. Ясно, что это очень важный фактор, влияющий на нашу жизнь. Чтобы в этом убедиться, можно произвести такой «мысленный эксперимент»: предположить, что еврейское влияние как по волшебству было убрано из нашей жизни во время революции 1917 г. или революции конца 1980-х – начала 1990-х гг. Ясно, что кризис все равно надвигался, но пережила бы его страна как-то иначе.

Те же силы действуют и сейчас, а значит, влияют на наше непосредственное будущее. Например, писатель Тополь, уехавший из России, недавно опубликовал статью, в которой так характеризует нынешнее положение: «Впервые за тысячу лет со времени поселения евреев в России мы получили реальную власть в этой стране». Даже если в этих словах есть преувеличение, они указывают на неестественную и опасную ситуацию. И далеко не потому, что, по словам Тополя, «у нас вся финансовая власть, а правительство состоит из полукровок Кириенко и Чубайса». Дело не в том, что аборигенам тоже хочется погреть руки на дележе богатств страны или порулить государственным кораблем, а, как мне кажется, в том, что при любой форме правления – от абсолютной монархии до абсолютной демократии – страной реально правит довольно узкий слой людей. Если он перестает ощущать и отстаивать те минимальные требования, которые предъявляет к жизни основная часть народа, то кончается это общегосударственной катастрофой. А способность почувствовать фундаментальные запросы народа определяется близостью к нему, разными факторами, в том числе и национальной родственностью. Тут совершенно невозможно вычислить какую-то «процентную норму», но многие признаки иногда показывают, что необходимая близость нарушается, ситуация переходит какую-то черту – и страна обрушивается в катастрофу.

Как изменить это опасное для будущего страны положение и не допустить, чтобы оно опять сложилось? Такой стороной оборачивается для нас, для России и для русских, сейчас «еврейский вопрос». Если опыт истории чему-либо и учит, то тому, что вопрос этот не может быть «решен». За несколько тысяч лет столько попыток предпринималось в этом направлении как с еврейской стороны, так и со стороны других народов. XX век принес два таких грандиозных «проекта». Один, «сионистский», – попытка собрать большую часть евреев в одно национальное государство – явно не удался. Очевидно, что по разным причинам Палестина не способна вместить большую часть мирового еврейства. Другой «проект» – ассимиляция – тоже зримо идет на убыль. И вряд ли за протекшие тысячелетия в этих вопросах люди стали мудрее. Вообще, это легкая и неверная мысль, идущая от эпохи Просвещения, что любая драматическая проблема жизни может быть решена какими-то внешними средствами. Жизнь человечества и каждого человека трагична по существу своей. Самое яркое проявление этого – смертность каждого человека. И в данном случае мы имеем дело действительно с драматической ситуацией. Евреи чем-то принципиально отличаются от других народов. Это ощущали и по-разному выражали еврейские мыслители в различные эпохи. Так, в Моисеевом Пятикнижии Валаам говорит об Израиле: «С вершины скал вижу я его, и с холмов смотрю на него: вот, народ живет отдельно и среди народов не числится» (Числа, 23,9). А в XX в. историк русской литературы, наиболее известный как организатор сборника «Вехи», М.О. Гершензон под конец жизни написал статью «Судьбы еврейского народа», где говорит об истории евреев, что она «слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов». Сосуществование столь различных общностей не может не порождать болезненных ситуаций (как и было, например, в Гражданскую войну или во время коллективизации). И русские, как и любой другой народ, желающий сохранить свое место под солнцем, должны осознать наличие этой драматической стороны жизни и добиться, чтобы в нашей жизни были реализованы наши основные жизненные цели.

Но в чем эти цели конкретно заключаются? На такой вопрос, мне кажется, ответ может дать только весь народ в целом (есть, конечно, путь придумывания, «конструирования» будущего народа, но это путь создания «утопии», особенно болезненный, если утопия реализуется). Как же может народ свои цели формулировать? Выше я привел слова еврейского национального деятеля Гретца о «чудесной взаимосвязи, нерасторжимо соединяющей члены еврейского мира». Другие народы таким свойством, видимо, не обладают. Поэтому для нас остается лишь путь (найденный человечеством в связи с открытием речи и письма) обдумывания и обсуждения всех сторон нашей истории. И какие-либо запреты и «табу» в этой области гораздо серьезнее, чем «нарушение прав человека», – для каждого народа речь идет о самом необходимом условии его выживания. Поэтому, как мне представляется, для современной России это одна из важнейших задач – отстаивать право на осмысление своей истории, без какой-либо формы цензуры. И можно надеяться, что задача эта не только реальна, но решение ее близко. В нашем обществе, во многом столь несвободном, все шире утверждается убеждение, что осознание исторического опыта народа – процесс, который ничем и никем не может быть приторможен. То есть в этом вопросе мы оказались духовно свободнее большинства других народов мира.

И если наше поколение когда-то будет спрошено (а ведь будет!): что же мы сделали в этот гибельный для России век? – то сверх многих отрицательных оправданий (НЕ участвовал в насилиях, НЕ эмигрировал, НЕ продался...), среди немногих положительных действий, я надеюсь, окажется это изменение народного сознания.

1. Цель работы

Как течет сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии и антипатии, – и в каких его слоях – формируют отношение людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий (и, может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т. д. и т. п. И конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного одиночки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошел взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали свое мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в нее. В результате обнаружилась совершенно неожиданная картина: среди первоначального хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений обрисовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения. Она привлекла многих авторов, ее поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских журналов, ее приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно встретить в театре, кино, в песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которые оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящимся под абсолютным запретом во всем современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нем, и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможного хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее четкой, законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции – ее мы и будем чаще всего привлекать в качестве источников. Укажем конкретнее, о какой литературе идет речь. Она очень обширна и растет от года к году, так что мы назовем только основные работы, чтобы очертить ее контуры. Началом можно считать появление в самиздате сборника эссе Г. Померанца¹ и статьи А.А. Амальрика² в конце 60-х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других работах, были более полно развернуты в четырех псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в Париже русском журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предваряла: «Это уже не голоса, а голос не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над ее прошлым, будущим и настоящим в свете христианского открове-

---

¹ Приведем самые краткие сведения об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться: Г. Померанц – советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические и общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

² А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осужден на три года, а когда срок почти отбыл – вторично осужден лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

ния. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события...» С увеличением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появилось несколько сборников и статей и книги Б. Шрагина³ «Противостояние духа» и А. Янова⁴ – «Разрядка после Брежнева» и «Новые русские правые». Близкие взгляды развивались в большинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса⁵ «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по ее основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж), и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего Средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью.

Издrevле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму ее жестокость; всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе. До сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину».

Параллельно русскую историю еще с XV века пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мессианизм» (а проще – «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москвы – Третьего Рима», высказанной в XVI веке, а современную стадию – в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией.

В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство – эпохи Грозного, Петра I, Сталина.

Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя.

Революция 1917 г. закономерно вытекает из всей русской истории. По существу, она не была марксистской, марксизм был русскими извращен, переиначен и использован для восстановления старых русских традиций сильной власти. Жестокости революционной эпохи и сталинского периода объясняются особенностями русского национального характера. Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика – это прямое продолжение варварской истории России. «Сталинизм» прослеживается в русской истории, по крайней мере на четыре века назад.

Те же тенденции продолжают сказываться и сейчас. Освобождаясь от чуждой и непонятной ей европеизированной культуры, страна становится все более похожей на Московское царство. Главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, – возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития – это проявление исконного «русского мессианства». Такая попытка неизбежно повлечет за собой подъем русского национализма, возрождение сталинизма и волну антисемитизма. Она смертельно опасна не только для

---

³ Б. Шрагин – кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарем своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в самиздате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключен из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

⁴ А. Янов – кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции – профессор университета в Беркли, советолог. Опубликовал большое число работ в англо- и русскоязычных журналах и газетах.

⁵ Р. Пайпс – выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник президента Р. Рейгана.

народов СССР, но и для всего человечества. Единственное спасение заключается в осознании губительного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий.

Некоторые же авторы этого направления высказывают бескомпромиссно-пессимистическую точку зрения, исключая для русских надежду на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь «бытие вне истории», народ оказался мнимой величиной, русские только продемонстрировали свою историческую импотенцию, Россия обречена на скорый распад и уничтожение.

Это лишь самая грубая схема. Дальше по ходу нашего исследования мы должны будем еще очень много цитировать авторов рассматриваемого направления. Надо надеяться, читатель сможет тогда более ясно почувствовать дух этих работ и тот тон, в котором они написаны.

Такая энергичная литературная деятельность с четко очерченными взглядами отражает, несомненно, настроение гораздо более широкого круга, чем только авторы работ: она выражает идеологию активного, значительного течения. Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада. Предлагая четкие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь нашей страны. Конечно, историю движут не теории и концепции, а гораздо более глубокие и менее рациональные переживания, связанные с духовной жизнью народа и его историческим опытом. Вероятно, то отношение к истории и судьбе своего народа, те жизненные установки, которые важнее всего для нашего будущего, вызревают веками, продолжают создаваться и сейчас – и хранятся где-то в глубинах душ. Но пока все эти черты национального характера, традиции, чувства не нашли выхода в сферу разума, они остаются аморфными и малодейственными. Они должны быть конкретизированы, связаны с реальными проблемами жизни. С другой стороны, четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу – если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами. Поэтому так важно было бы понять и оценить это новое течение в области мировоззрения. Именно само течение и породивший его социальный слой будут представлять для нас основной интерес, а созданная им литература – привлекаться лишь как материал для его анализа. Авторы, которых мы будем цитировать, вряд ли и сейчас широко известны, а лет через десять их, возможно, никто не будет знать. Но социальное явление, отражающееся в их произведениях, несомненно, будет еще долго и сильно влиять на жизнь нашей страны.

План работы таков. Изложенные выше взгляды группируются вокруг двух тем: оценка нашей истории и оценка нашего будущего. Мы разберем их, разделив по этому признаку, в двух следующих параграфах. В оставшейся части работы мы попытаемся понять происхождение этих взглядов: какое духовное течение и почему могло их породить?

2. Взгляд на русскую историю

Начать, конечно, надо с обсуждения конкретных аргументов, которыми авторы рассматриваемого направления подкрепляют свои взгляды. Такое обсуждение предпринималось уже не раз, и это облегчает мою задачу. Приведем краткий обзор высказанных мыслей.

Декларируемый многими авторами тезис о «рабской душе» русского человека, о том, что в нем собственное достоинство было менее развито, чем у жителей Запада, трудно подкрепить какими-либо фактами. Пушкин, например, считал, что соотношение – обратное. Мнению приезжих иностранцев, видевших в России азиатскую деспотию, а в ее жителях – рабов, можно противопоставить мнение других иностранцев, пораженных чувством собственного достоинства у русского крестьянства или даже видевших в России «идеальную страну, полную честности и простоты». Скорее всего, и те, и другие очень мало знали реальную Россию.

Отношение к власти в Московской Руси никак не совпадает с «рабским подчинением». Термин «самодержец», входивший в титул русского царя, не означал признания его права на произвол и безответственность, а выражал только, что он – суверен, не является ничьим данником (конкретно – хана). По представлениям того времени, царь был ответствен перед Богом, религиозными и нравственными нормами, и царю, нарушающему их, повиноваться не следовало, идя, если надо, на муки и смерть.

Яркий пример осуждения царя – оценка Грозного не только в летописях, но и в народных преданиях, в одном из которых, например, говорится, что «царь обманул Бога». Также и Петр I прослыл в народе Антихристом, а Алексей – мучеником за веру.

Концепция «Москвы – Третьего Рима», сформулированная в начале XVI века псковским монахом Филофеем, отражала историческую ситуацию того времени. После Флорентийской унии Византии с католичеством и падения Константинополя Россия осталась единственным православным царством. Автор призывает русского царя осознать свою ответственность в этом новом положении. Он напоминает о судьбе Первого Рима и Второго (Царьграда), погибших, по его мнению, из-за отпадения от истинной веры, и предсказывает, что Русское царство будет стоять вечно, если останется верным православию. Эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству. В народном сознании (например, в фольклоре) она никак не отразилась. Утверждение о том, что идея «Третьего Рима» и революционная марксистская идеология XX века составляют единую традицию, принадлежит Бердяеву, которого, по-видимому, особенно пленило созвучие Третьего Рима с Третьим интернационалом. Но ни он, ни кто-либо другой не пытался объяснить, каким образом эта концепция передавалась в течение 400 лет, никак за это время не проявляясь⁶.

Никакой специфической для русских ненависти к иностранцам и иностранным влияниям, которая отличала бы их от других народов, обнаружить нельзя. Сильны были опасения за чистоту своей веры, подозрительность по отношению к протестантской и католической миссионерской деятельности. Здесь можно видеть известную религиозную нетерпимость, но эта черта уж никак не отличает Россию того времени от Запада, уровень религиозной терпимости которого характеризуется инквизицией, Варфоломеевской ночью и Тридцатилетней войной.

Сводить всю дореволюционную историю к Грозному и Петру – это схематизация, полностью искажающая картину. Это все равно, что представлять историю Франции состоящей лишь из казней Людовика XI, Варфоломеевской ночи, гонений на протестантов при Людовике XIV и революционного террора. Такая подборка выдернутых фактов ничего не может доказать. Не

---

⁶ В отличие от Бердяева и повторяющих его мысль цитированных выше авторов, современные профессиональные историки, по-видимому, эту концепцию не поддерживают. Обширная литература, посвященная этому вопросу, сходится на признании того, что концепция «Москвы – Третьего Рима» даже в XVI веке никак не влияла на политическую мысль Московского царства, а последние ее следы обнаруживаются в XVII веке.

доказывает она и того тезиса, что Революция была специфически русским явлением, закономерным следствием русской истории. И если бы это было так, то как можно было бы объяснить революцию в Китае или на Кубе, господство марксизма над умами западной интеллигенции, влияние коммунистических партий Франции и Италии?

К этим аргументам, заимствованным из упомянутых выше работ, прибавлю несколько своих, чтобы обратить внимание на один важный аспект вопроса.

1. Как мало отношение русского допетровской эпохи к власти походило на «рабскую покорность», «стремление думать и чувствовать одинаково с нею», показывает раскол, когда второстепенные, не имевшие догматического значения изменения обрядов, введенные властью, не были приняты большей частью нации, люди тысячами бежали в леса, шли на муки и смерть, самосжигались, – и за 300 лет проблема не потеряла своей остроты. Интересно сравнить это с похожей ситуацией в классической стране, утвердившей принцип личной свободы и человеческих прав, – Англии. Генрих VIII скроил совершенно новое вероисповедание, взяв кое-что от католичества, кое-что от протестантизма, да еще несколько раз его перекраивал, так что под конец его подданные уже не знали хорошенько, во что же им надлежит верить. И вот – парламент и духовенство оказались покорными, большинство народа приняло это сочиненное из политических и личных соображений вероисповедание. Конечно, в Западной Европе XVI–XVII веков религиозные разделения играли не меньшую роль, чем у нас, но они, по-видимому, больше сплелись с политическими и материальными интересами. Так, Р. Пайпс поражается: «Секуляризация церковных земель (В России XVII века. – *И.Ш.*) – *пожалуй, самая веская причина Европейской Реформации – прошла в России так спокойно, как будто речь шла о простой бухгалтерской операции*». *Немыслимо в России того времени было бы положение, зафиксированное Аугсбургским религиозным миром, выражавшееся формулой «куйус регио, эйус религио» (чья власть, того и религия), когда вера подданных определялась их светскими властителями. Некоторые из авторов разбираемого направления считают особенно ярким проявлением рабских черт русского национального характера подчинение Церкви государству в форме синодального управления церковью, введенного Петром I. В цитированной книге Р. Пайпса одна глава так и называется: «Церковь – служанка государства». А. Шрагин пишет: «Наиболее ярко и, так сказать, архитипически⁷ российская психологическая predisposition к единогласному послушанию сказалась в подчинении церкви государству в тех формах, какие оно приняло в синодальный период». Уж им-то – историку и философу – должно быть прекрасно известно, что возникли эти формы подчинения церкви государству в протестантских странах, откуда и были точно скопированы Петром I, так что в них нет ничего не только «архитипичного», но вообще типичного для русских.*

2. Другое любопытное наблюдение связано с точкой зрения, которую высказывает Р. Пайпс. Он считает, что законодательство Николая I послужило образцом для советского, с которого, в свою очередь, Гитлер якобы копировал законы Третьего рейха (!), так что законодательство николаевских времен оказывается в итоге источником всех антилиберальных течений XX века. Он прокламирует даже, что значение николаевского законодательства для тоталитаризма сравнимо со значением Великой хартии вольностей для демократии! Концепция Р. Пайпса, конечно, является всего лишь анекдотом, типичным, впрочем, для всей его книги, но интересно, что более внимательное рассмотрение этого вопроса приводит к выводам, прямо обратным тем, к которым его тянет. Вся концепция тоталитарного государства (как в монархическом, так и в демократическом его варианте), подчиняющего себе не только хозяйственную и политическую деятельность подданных, но и их интеллектуальную и духовную жизнь, была полностью разработана на Западе, – а не будь она столь глубоко

---

⁷ Мы сохраняем правописание подлинника, хотя речь идет, по-видимому, о понятии архетипа, принадлежащем К. Юнгу.

разработана, она не могла бы найти воплощения в жизни⁸. Так, еще в XVII веке Гоббс изобразил государство в виде единого существа, Левиафана, «искусственного человека», «смертного Бога». К нему он относит слова Библии: «Нет на земле подобного ему, он сотворен бесстрашным. На все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». А более конкретно: «суверен» обладает властью, не основывающейся ни на каких условиях. Все, что он делает, справедливо и правомерно. Он может распоряжаться собственностью и честью подданных, быть судьей всех учений и мыслей, в частности и в вопросах религии. К числу главных опасностей для государства Гоббс относит мнения («болезни»), что частный человек является судьей того, какие действия хороши и какие дурны, и что все, что человек делает против своей совести, является грехом. Отношение подданных к «суверену», по его мнению, лучше всего выражается словами «вы будете ему рабами». В этом же веке Спиноза доказывает, что к государственной власти вообще не применимы нравственные категории, государство принципиально не может совершить преступления, оно в полном праве нарушать договоры, нападать на союзников и т. д. В свою очередь, любое решение государства о том, что справедливо и не справедливо, должно быть законом для всех подданных. В XVIII веке Руссо разработал демократический вариант этой концепции.

Он полагает, что верховная власть принадлежит народу (тоже называемому сувереном), и теперь уж он образует «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные индивидуальности. Суверену опять принадлежит неограниченная власть над собственностью и личностью граждан, он не может быть не прав и т. д. От суверена каждый индивид «получает свою жизнь и свое бытие», суверен должен изменить «физическое существование» человека на «существование частичное».

«Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других». Что уж тут могло прибавить столь бледное на таком фоне законодательство Николая I! Да можно четко проследить, как эти принципы были заимствованы в России с Запада. Положение о том, что подданные отреклись от своей воли и отдали ее монарху, который может повелеть им все, что захочет, высказано в «Правде воли монаршей», составленной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра. Там почти дословно цитируется Гоббс со всеми основными элементами его теории, как, например, о «договоре», который заключают между собой подданные, отказываясь от своей воли и отдавая ее монарху.

3. «Мессианизм», т. е. вера некоторой социальной группы (нации, церкви, класса, партии...) в то, что ей предназначено определить судьбу человечества, стать его спасителем, — явление очень старое. Классическим примером, от которого пошло и само название, является содержащееся в иудаизме учение о Мессии (помазаннике), который установит власть «избранного народа» над миром. Такая концепция возникла в очень многих социальных движениях и учениях. Марксистское учение об особой роли пролетариата принадлежит к традиции «революционного мессианизма», развивавшейся в Европе в XIX веке. Недавнее очень тщательное исследование этой традиции описывает различные ее стадии (Сен-Симон, Фурье...) вплоть даже до концепции «Третьего Рима» (Рома Терцио у Мадзини), но о России упоминает лишь в самом конце книги, в связи с тем, что западный «революционный мессианизм» к концу века захлестнул и Россию.

4. Наконец, тезис о том, что революция в России была predetermined всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского социализма, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно — что доказывают многочисленные прецеденты, хотя бы наше Смутное время. Социализм же, по-видимому, не имел никаких корней в русской

⁸ На это много лет назад обратил мое внимание А.И. Лапин.

традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и Кампанеллы. Радикальное сектантство, которое в Западной Европе было питательной почвой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль, и лишь в исключительно редких случаях в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалистических концепций (например, пожелание общности имущества). Тем более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего, хоть отдаленно напоминающего «Мюнстерскую коммуну», в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей – народные социальные утопии, – тоже не дает ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение Зла, противопоставление Правды – Кривде, мечты о «царстве Правды», призыв к братству всех людей во Христе, провозглашение любви высшим законом мира.

В Россию социализм был полностью привнесен с Запада. В XIX веке он настолько однозначно воспринимался как нечто иностранное, что, говоря о современных ему социалистических учениях, Достоевский часто называл их «французский социализм». И основоположниками движения являются два эмигранта – Бакунин и Герцен, начавших развивать социалистические идеи только после того, как эмигрировали на Запад. Зато западное общество нового, постренессансного типа родилось с мечтой о социализме, отразившейся в «Утопии» Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и в целом потоке социалистической литературы.

Таким образом, многие явления, которые авторы рассматриваемого направления объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще нерусскими по происхождению, занесенными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры.

Подобных аргументов можно было бы привести гораздо больше, но, вероятно, и этих достаточно, чтобы дать оценку разбираемой нами концепции: она полностью рассыпается при любой попытке сопоставить ее с фактами.

Обратим внимание на еще одну черту рассматриваемых нами произведений: их равнодушие к фактической стороне дела, использование удивительно легковесных аргументов, так что минутное размышление должно было бы сделать для авторов очевидной их несостоятельность. Например, Померанц приводит в качестве примера того, как русская душа «упивалась жестокостью власти», «Повесть о Дракуле», распространявшуюся в списках в XVI веке, в то время как она посвящена обличению жестокости, в некоторых списках Дракула называется дьяволом. В одной из работ, посвященных критике подобной концепции, указывается на это обстоятельство.

Но в появившейся позже самиздатской «антикритике» Померанц заявляет, что он и не особенно настаивает на своей трактовке повести. Зато, говорит он, ему был известен один автор, подписывавший свои самиздатские произведения псевдонимом «Скуратов». Так что приверженность русских жестокой власти все равно доказана!

Из одного рассуждения Р. Пайпса следует, что он полагает, будто в Московской Руси не существовало частной собственности! В другом месте своей книги он приводит поговорку «Чужие слезы – вода» как доказательство «жестокости цинизма» и эгоизма русских крестьян. По-видимому, он понял ее не как осуждение эгоизма, а как нравственную максиму. Он же утверждает, что в допетровской Руси не было школ и подавляющее большинство служилого сословия было неграмотным. А ведь еще в 1892 г. А.И. Соболевский писал:

«Мы привыкли думать, что среди русских этого времени (XV–XVII вв.) было очень немного грамотных, что духовенство было малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу». Он приводит многочисленные подсчеты, из которых вытекает, что белое духовенство было поголовно грамотно, среди монахов процент грамотных был не ниже 75,

среди земледельцев не ниже 50, среди посадских – 20, среди крестьян (в XVII в.) – 15, по всей стране было много «училищ» для обучения грамоте. Как полагает Д.С. Лихачев, уровень грамотности в России XVII в. во всех слоях населения был не ниже, чем на Западе. И вот предрассудок, опровергнутый 70 лет назад, сейчас повторяет ведущий специалист США по русской истории!

Особенно много таких мест в работах А. Янова (может быть, по той причине, что он чаще привлекает конкретные аргументы, в то время как другие авторы в основном ограничиваются декларациями). Так, он полагает, что «Архипелаг ГУЛАГ» – постоянный спутник русской истории, периодически в ней проявляющийся, и в качестве даты его предшествующего явления указывает 1825 г. Сначала даже не поймешь, что речь идет о восстании декабристов – попытке вооруженного свержения правительства и убийства царя (а по некоторым планам – истребления всего царского дома), когда был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович – и в результате было казнено 5 человек и около ста сослано. Притом, что в это же время в Испании, Неаполе, Сицилии, Пьемонте и Ломбардии были совершены такие же попытки военных переворотов (1820–1823 гг.), сопровождавшиеся после подавления такими же казнями. В Англии в 1820 г. был раскрыт заговор Тистельвуда, ставивший себе целью убийство членов кабинета. Пятеро руководителей заговора были казнены, остальные участники сосланы на каторгу в колонии. Так что ничего типичного для русской истории здесь вообще нет. Не «отсталая» Россия, а «передовая» Франция показала, как надо расправляться с подобными возмущениями: тысячи расстрелянных после подавления восстания в Париже в 1848 г., десятки тысяч – после подавления Парижской Коммуны.

Или, желая показать, что даже самые, на первый взгляд, невинные русские национальные течения вроде славянофильства приводят к черносотенству и погромам, он рассматривает для доказательства в качестве последователей славянофилов только Данилевского, Леонтьева, третьеразрядного публициста начала XX века Шарапова и очень темного интригана В.И. Львова, которого он почему-то называет князем (обер-прокурора Синода во Временном правительстве, эмигрировавшего, потом вернувшегося и под конец вступившего в «Союз воинствующих безбожников!»). Но если он счел бы, что идеи славянофилов развили Достоевский – как писатель, Соловьев – как философ, Тихомиров – как публицист, А. Кошелев, Ю. Самарин и другие деятели эпохи реформ, а позже Д. Шипов – как политики, то картина получилась бы совсем другая, а при еще одном подборе – третья. Вот прием, при помощи которого можно доказать решительно все, что желательно!

Обсуждая вопрос о приемлемости для России демократической формы правления, Янов отводит указания на некоторые недостатки этого строя тем, что «демократия как политическое изобретение – еще ребенок. Ей не 1000 лет, а едва 200». Трудно себе представить человека, рассуждающего об истории и не слышавшего о демократии в Греции, Риме или Флоренции, не читавшего посвященных ей страниц Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли! Наконец – уже совсем курьез – Белинского Янов относит к «классикам славянофильства»! За такой ответ школьник получит двойку, а пишет это кандидат наук и ныне профессор университета Беркли.

Мы поневоле приходим к вопросу, от ответа на который зависит все дальнейшее направление наших размышлений: интересует ли вообще истина этих авторов? Вопрос неприятный, существуют «правила игры», согласно которым следует обсуждать аргументы, а не добросовестность и мотивы оппонента. Столь опустылена постановка вопроса: «Кому это выгодно?», «На чью мельницу льет воду?...» Но, с другой стороны, дискуссия с авторами, которых ни факты, ни логика не интересуют, действительно превращается в какую-то игру. Поэтому, прежде чем идти дальше, давайте проверим наши сомнения на еще одном примере: на утверждении, встречающемся почти во всех разбираемых работах, – о жестокости, варварстве, специфических якобы для всей русской истории.

Как будто существовал народ, которого в этом нельзя упрекнуть! Ассирияне покрывали стены завоеванных городов кожами их жителей. В Библии читаем:

«И предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» (Кн. Иисуса Навина, VI, 20).

И о царе Давиде:

«А народ, бывший в нем, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими» (2-я Книга Царств, XII, 31).

И светлые, прекрасные эллины во время междоусобных войн уничтожали население целых городов (по их масштабам – государств): всех мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. И так идет через всю Историю: не только в темные Средние века, но и в эпоху торжества Разума. Кромвель уничтожил треть населения Ирландии, и только восстание в Шотландии помешало ему осуществить первоначальный план – покончить с ирландцами как нацией. В США благочестивые пуритане истребляли индейцев, как волков: была назначена плата за скальп. А работорговля, в которой участвовали короли, которую парламенты защищали, ссылаясь на права человека, – и которая стоила Африке 100 миллионов жизней! А Французская революция, число жертв которой некоторые современники оценивали в 1 миллион – это когда все население Франции составляло 26 миллионов! И наконец, Гитлер! Конечно, много жестокости было и в нашей истории, но ведь нужно совершенно позабыть о добросовестности, чтобы приписывать нам жестокость как какую-то специфическую черту! Нет, кажется, ни одного из наших авторов, который не помянул бы с торжеством опричнину! Но современный историк, специально исследовавший число жертв опричнины, пишет: «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч человек крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3–4 тысяч человек». (Речь идет, конечно, о числе убитых. Голод, эпидемии, набеги крымцев и бегство от непосильных поборов уменьшило население Центральной России на сотни тысяч человек.) А в Варфоломеевскую ночь, близкую по времени, за несколько дней было истреблено больше народа (в Париже и в провинции).

Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требования историзма. А ведь все они – люди с гуманитарным образованием; факты, которые мы выше напомним, должны быть большинству из них прекрасно известны. Те же, которым они неизвестны, легко могли бы их узнать, если бы их действительно интересовали факты. Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл истории, не с «историософскими размышлениями». Перед нами деятельность совершенно другого типа: это журналистская публицистика, пропаганда, стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства. Но тогда ее и надо исследовать как пропаганду. А всякая пропаганда имеет определенную цель. Мы приходим к важнейшему вопросу: какова же цель всей этой литературы, зачем понадобилось внушать читателю взгляд, согласно которому русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира?

Можно было бы и не ломать голову над этим вопросом, если бы мы имели дело просто с эмигрантскими эмоциями. Но дальше мы убедимся, что это не так. Мы просто видим надводную часть айсберга: то, что рассматриваемая литература в своем большинстве опубликована на Западе, объясняется только тем, что там публиковать безопаснее и легче. А сами эти настроения уходят корнями сюда, да и здесь они проявляются, хотя и не так прямолинейно. Ведь надо отдать себе отчет в том, что если эта концепция впитается в национальное сознание, то это

будет равносильно духовной смерти: народ, так оценивающий свою историю, существовать не может. Так что мы имеем здесь дело с каким-то явлением, которое нас, жителей этой страны, кровно затрагивает.

3. Планы для России

Ответить на вопрос, поставленный в конце предшествующего параграфа, поможет рассмотрение второй группы взглядов, развиваемых авторами интересующего нас направления: как оценивается сегодняшнее положение страны и какие пути предлагаются на будущее. Если верно высказанное нами предположение, что интерес к Древней Руси, старцу Филофею, Грозному, Пересвету и т. д. определяется не склонностью авторов к историческим исследованиям, а какими-то очень злободневными интересами и чувствами, то очевидно, что их суждения о современности должны особенно прояснить их мотивы.

Все высказываемые здесь точки зрения концентрируются в основном вокруг двух положений: опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества.

Авторы очень болезненно и резко реагируют на любые попытки взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения, т. е. подойти к сегодняшним проблемам с точки зрения русских духовных и исторических традиций.

«... Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего» (Горский, псевдоним).

Тот же автор предупреждает:

«Новое национальное сознание должно строиться не на бессознательном патриотизме...» (как оно, по-видимому, строилось у миллионов, сложивших свою голову в последней войне). Опасным соблазном автор считает размышление о смысле существования России, т. е. саму презумпцию осмысленности русской судьбы. С осуждением он говорит:

«Русский человек, если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучится вопросом: что такое Россия? В чем смысл ее существования? Каково ее назначение и место во Всемирной истории?»

(Интересно, что по смыслу этой фразы сам «Горский» себя к числу «русских людей», по крайней мере, «самостоятельно мыслящих», не относит!)

К анонимным авторам, выступившим в «Вестнике РСХД» № 97 («Горский» и др.), с большим сочувствием относится Янов. Он считает даже, что будущее России в значительной степени зависит от того, какую политическую ориентацию примет движение «Русского Православного Ренессанса». Здесь он различает два направления: одно, близкое ему по духу, к которому относятся упомянутые авторы, он называет «либерально-экуменическим». Трудно вложить в этот осторожный и деликатный оборот речи другое содержание, кроме – безнациональное. Да и в предисловии к другой книге Янова Бреслауер подчеркивает, что симпатии Янова – на стороне космополитической прослойки советского общества. Нужно как-то назвать и другое направление в «Православном Ренессансе», по смыслу оно НАЦИОНАЛЬНОЕ, но тут Янов не выдерживает роли профессора, беспристрастно анализирующего интересный социальный феномен, его прорывает: оно – «татарски-мессианское» и угроза «мировому политическому процессу».

В этом противопоставлении Янов видит основную проблему современной советской жизни: «решающий водораздел проходит между националистами и не националистами». Излишне оговаривать, что «национализм» имеется в виду не армянский, литовский или еврейский, а только русский. И очевидно, по какую сторону водораздела стоит автор. Более того, он обвиняет своих противников в том, что если бы реализовались их идеи о будущей России, то там не оказалось бы места антирусской оппозиции! Не берусь судить, справедливо ли это обвинение, но уж очень ярко оно демонстрирует заботы автора.

С предельной отчетливостью концепции Янова проявляются в его полемике с самиздатским журналом «Вече», выходящим в начале 70-х годов. Как иллюстрацию «слепого отказа видеть происходящее» цитирует он статью из этого журнала: «Даже проблема гражданских прав в СССР менее важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации». Поучительно дать себе отчет в позиции самого Янова. Если эта точка зрения не верна и «проблема гибнущей русской нации» является менее важной, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет? (В цитированной статье утверждается, что численность русских сокращается.) За чьи же права тогда бороться? Уж конечно – не за права русских!

Наконец, эта проблема обсуждается еще раз на более высоком уровне. По поводу одной самиздатской статьи Янов пишет:

«Рискуя профанировать метафизический энтузиазм статьи, сформулируем просто ее смысл: человечество квантуется, так сказать, не на отдельные индивидуальности, как до сих пор наивно полагало “гуманистическое сознание”, но на нации».

Однако «профанирование метафизического энтузиазма» здесь совсем ни при чем; то, что делает Янов, называется гораздо проще: подмена одной мысли другою. В отрывке из обсуждаемой статьи, который Янов сам приводит перед цитированным выше местом, говорится: «Нации – один из уровней в иерархии Христианского космоса...» (Выделено мною. – *И.Ш.*), *т. е., если пользоваться терминологией Янова, человечество квантуется и на нации. Обратная точка зрения, которой, по-видимому, придерживается Янов, заключается в том, что человечество квантуется только на отдельные личности, а не на нации. Точка зрения не новая. Человечество, распыленное (или «квантовое») на ничем друг с другом не связанные индивидуумы, – таков, по-видимому, идеал Янова.*

Но существует и еще более радикальное направление мысли. Вместо того чтобы бороться с национализмом, предупреждать о его опасности, утверждает, что спора и вести-то не о чем, так как народа вообще нет. Мы уже приводили утверждение: «народ оказался мнимой величиной» («Горский»). Особенно подробно и с любовью эту мысль развил Померанц:

«Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая.

Народа, в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей, вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты – и массы.

В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной.

То, что у нас обычно называют народом, совсем не народ, а мещанство».

Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, то в настоящем нет уже и русского народа...

Эти мысли, естественно, вытекают из концепций, рассмотренных в предшествующем параграфе. В русской истории авторы не видят ничего, кроме тираннии, раболепия и бессмысленных, кровавых судорог. Померанц разъясняет:

«Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пятится перед грозным самодержцем, который его режет на части, как Иванушку, и спекает заново. Потом, когда спечется, признает хозяина своим и служит верой-правдой!»

Или в поэтической форме Галич:

Что ни год – лихолетье,
Что ни враль – то Мессия.

Если принять этот взгляд, то действительно попытка строить будущее на основе таких традиций может кончиться лишь еще одной катастрофой. Мнение одного из авторов,

что «Россия не имела истории», другие, может быть, отклонили бы как полемическое преувеличение, но, по существу, все их взгляды приводят к этому выводу: истории, как того чрева, в котором вынашивается будущее народа, Россия, согласно их точке зрения, не имела. На чем же тогда строить будущее этой страны? Ответ дает второй основной тезис, выдвигаемый рассматриваемой нами литературой: на основе чужого опыта, заимствуя как образец современную западную многопартийную демократию. Именно то, что этот опыт чужой, не вырастающий органически из русской истории, делает его привлекательным, так как дает гарантию, что он не заражен теми ядами, которыми пропитано, по мнению авторов, все наше прошлое. Наоборот, поиски какого-то своего пути неизбежно вызовут, как они полагают, цепь новых катастроф. Янов, например, считает это основным вопросом, «который сейчас, как и много поколений назад, разделяет русское диссидентское движение, – является ли Россия европейской страной или для нее существует особый, собственный путь развития...».

Таким образом, именно поиск собственного пути (конечно, без ограничения его направления, так что, в частности, результатом мог бы оказаться и какой-то собственный вид демократии) здесь отклоняется. Причина в том, что, по мнению авторов, вообще существуют лишь два решения, выбор возможен лишь из двух вариантов: современная демократия западного типа или тоталитаризм. Говоря о том же основном вопросе, что и в цитированном только что отрывке, Янов спрашивает:

«Не заключается ли он в поисках альтернативы для европейской демократии? И не приводит ли такой поиск неизбежно даже самых благородных и честных мыслителей в объятия авторитаризма, ибо никакой «особой» русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно. Далее, не ведет ли логика борьбы против демократии (как доктрины и как политической реальности) в конце концов к оправданию самых крайних, тоталитарных форм авторитаризма?»

Отметим эту характерную черту, которая будет дальше полезна для анализа взглядов наших авторов: они предлагают выбор только из двух возможностей – или «европейской демократии», или авторитаризма, да еще в его «самых крайних тоталитарных» формах. Вряд ли реальная жизнь укладывается в столь упрощенную схему. В обществе действовало и действует столько сил: монархическая власть, аристократия, буржуазия и другие сословия, церковь или церкви, корпорации, партии, национальные интересы и т. д. и т. п., что из их комбинаций способен возникнуть (и все время возникает) непрерывный спектр государственных форм, а не те две его крайние точки, между которыми нам предлагается выбирать. И часто тот механизм, при помощи которого формируется государственная власть, оказывается далеко не самым важным признаком общества. Иначе мы должны были бы признать родственными Римскую империю в «Золотой век Антонинов» и китайскую империю Цинь Ши Хуан Ди с ее всеобщим рабством, круговой порукой и сожжением книг. В нашем веке однопартийные государства – и современная Югославия, и Камбоджа при красных кхмерах, а многопартийные – и ЮАР, и Швейцария. Тот строй, который существовал в Англии, когда она победила Людовика XIV, выдержала четверть века войн с революционной Францией и Наполеоном, стала «мастерской Европы» и образцом свободного общества, был столь отличен от современной демократии, что вряд ли разумно объединять их одним термином. Он опирался на очень ограниченное избирательное право. Парламент состоял из лиц, тесно связанных общими интересами и даже родством, дискуссия в нем носила технический характер, и демагогия, стремление влиять на общественное мнение, не играла заметной роли. Зомбарт сравнивает его с советом акционерной компании, где обсуждается, как вести предприятие, в успехе которого все одинаково заинтересованы и в делах которого все более или менее хорошо осведомлены. Большинство членов парламента фактически назначалось крупными землевладельцами, а часто места и покупались. И тем не менее суд Истории показал, что этот пар-

ламент в какой-то мере получил поддержку народа. Точно так же, как в 1812 году русский народ, по-видимому, единодушно поддержал самодержавную власть, а американский народ во Вьетнамской войне, потребовавшей от него очень небольших жертв, отказался поддерживать правительство, выбранное по всем канонам западной демократии. И как оценить, кто в большей мере выразил волю американского народа: партийная машина, выдвинувшая президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона, которые вели Вьетнамскую войну, или левые круги, опирающиеся на средства массовой информации, которые добились отставки президента и капитуляции в этой войне?

Здесь возникает очень глубокая проблема. Поиски лучшего пути для выявления воли народа молчаливо предполагают, что такое понятие, как «воля народа», существует и всеми одинаково толкуется. А именно это предположение, которое почти не обсуждается, требует тщательного анализа. Говоря современным научным жаргоном, народ – это «большая система». Но далеко не всякая большая система обладает свойством, которое можно было бы назвать «волей». Например, заведомо им не обладает сколько угодно сложная вычислительная машина; совершенно не ясно, что его можно приписать живой природе в целом, или отдельному виду, или биоценозу – и только в отношении индивидуального человека или высших животных наличие воли не вызывает у нас сомнения. В реальной жизни народ проявляет себя не путем формулирования своей воли, а восстаниями или подъемом хозяйственной активности, ростом или падением рождаемости, взлетом культуры или распространением алкоголизма и наркомании, стойкостью и жертвенностью на войне или легкой капитуляцией. Именно бесчисленная совокупность таких признаков и показывает, здоров ли народный организм. Выработать наиболее органичную для данного народа и в данный момент его истории форму государственного устройства – это, конечно, необходимое условие здорового существования народа. Но далеко не единственное и зачастую не самое важное.

Что касается демократии западного типа, которую столь настойчиво предлагают разбираемые авторы в качестве универсального решения всех общественных проблем, то в ее современном состоянии она вызывает ряд сомнений, которые надо было бы тщательно обсудить, прежде чем рекомендовать ее безоговорочно в качестве единственного решения наших проблем. Обсудим некоторые из них.

1. Этот строй, по-видимому, не является таким уж естественным. Переход к нему обычно был связан с мучительным и кровавым катаклизмом: очевидно, необходимо какое-то насилие над естественным историческим процессом. Такова была гражданская война в Англии. Во Франции гражданская война и террор были только началом. Почти столетие после этого страну трясло как в лихорадке: Наполеоновские войны, революции, Вторая империя, Коммуна. У нас попытка введения этого строя в феврале 1917 года не оказалась успешной. В Германии такая попытка, осуществленная в Веймарской республике, в качестве реакции привела к победе национал-социализма. (Такой адепт демократии, как Черчилль, в своих мемуарах высказывает мнение, что судьба Германии была бы иной, если бы в 1918 г. была сохранена монархия.)

Можно ли сейчас идти на риск еще одного подобного катаклизма в нашей стране? Есть ли шанс, что она его переживет? А в то же время наши авторы предлагают этот путь с легкостью, которая вызывает подозрение, что такие опасения их совершенно не заботят.

2. Основоположники западной либеральной мысли (например, Монтескье и авторы американской конституции) исходили из концепции ограниченной власти. Эта концепция своими корнями уходит в религиозное средневековое мировоззрение. В эпоху абсолютизма было развито учение о неограниченной власти – сначала о власти неограниченного монарха, а потом о неограниченном народовластии (см. мысли Гоббса, Спинозы и Руссо, цитированные в предыдущем параграфе). Ограничения власти пытались добиться на основе принципа разделения властей: когда, например, законодательство не подвластно конституционному монарху или

судебная власть – воле народа. Но чтобы такая система функционировала, необходима сила, ограничивающая все эти власти, а для этого в обществе должны существовать часто не записанные и даже не осознанные нормы поведения, традиции, моральные и религиозные принципы, которые в шкале ценностей занимают более высокое место, чем авторитет любой власти, так что противоречащие им действия власти воспринимаются как незаконные. Это и есть единственный надежный путь ограничения власти в ее принципе. Отсутствие таких ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. Именно поэтому основанные на неограниченном народовластии государства так легко порождают тоталитаризм: в Германии Веймарская республика или во Франции власть Учредительного собрания в 1789–1791 гг. Эта закономерность была замечена очень давно. Платон писал, что демократия вырождается в тиранию. Как он, так и Аристотель полагали, что неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Эдмунд Берк, наблюдавший начальный этап Французской революции, писал, что неограниченная демократия столь же деспотична, как и неограниченная монархия. Современные же западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое большинством населения, законно. (Этот дух уловили и разбираемые нами авторы: например, во введении к сборнику «Демократические альтернативы» прокламируется «демократия в правовой области», т. е. подчинение права решению большинства.) В этом многие либеральные критики современной демократии видят признак ее упадка, неудачу предпринятой 200 лет тому назад попытки построить свободное общество на принципах народовластия. Сейчас, по их оценке, свободы в западном обществе существуют в силу инерции, а не как следствие принципов, на которых это общество построено.

3. Авторы рекомендуют демократию западного типа в качестве альтернативы однопартийному коммунистическому государству. Но способна ли она быть такой альтернативой? Ведь не по волеизъявлению же будет один уклад заменен другим, очевидно, предполагается какая-то конкуренция. А способен ли демократический строй в современной его форме на такую конкуренцию? Все больше западная демократия уступает и уступает своему антагонисту. Если часть человечества, населяющая страны с однопартийной коммунистической государственной системой, составляла 7,5 % в 1920 г. и 8,5 % в 1940 г., то в 1960 г. она составила более 45 %, а сейчас составляет не меньше половины. И ведь процесс шел только в одном направлении! Давно прошло время, когда западные демократии были динамичной силой, когда число стран, следовавших по этому пути, росло, да и другим они навязывали свои принципы. Теперь все наоборот! Из вновь возникающих государств почти ни одно не избрало государственный строй западного типа. А в самих западных демократиях все растет число противников их государственной системы. Сторонники же ее обычно прибегают к тому аргументу, что, как она ни плоха, остальные – еще хуже. Такой аргумент вряд ли может вдохновить кого-либо на защиту этого строя. 200 лет назад так не говорили! Если же привлечь к сравнению античную демократию, то мы увидим, что она – недолговечная форма. 200 лет – это предельный срок ее жизни. Но как раз столько и существует многопартийная демократия в Западной Европе и США. По всем признакам многопартийная западная система – уходящий общественный строй. Ее роль в Истории можно оценить очень высоко: она принесла с собой гарантию внутреннего мира, защиту от правительственного террора (но не от «красных бригад»), рост материального благосостояния (и угрозу экологического кризиса). Но вернуть к ней все человечество так же безнадежно, как мечтать о возврате к Православному царству или Киевской Руси. История явно перерабатывает этот строй во что-то новое. Можно попытаться повлиять на то, во что и какими путями он будет перерабатываться, но повернуть этот процесс вспять – безнадежно.

А между тем есть ли у самих-то разбираемых нами авторов определенное представление о той «западной демократии», которую нам предлагают взять или отклонить в гото-

вом виде, не разрешая обсуждать возможные ее варианты и альтернативы? Из их произведений как будто следует, что у них это представление весьма расплывчато. Часто кажется, что они имеют в виду классическую форму многопартийной демократии вроде существующей сейчас в США (например, Шрагин или Янов). Но вот, например, Краснов-Левитин⁹ желает внести «полное имущественное равенство», а Л. Плюц¹⁰ утверждает, что государственное планирование должно сохраниться вплоть до достижения коммунизма: но ведь таких целей современная западная демократия себе отнюдь не ставит! Более того, Плюц пишет:

«Я не понимаю Вас, если Вы не сочувствуете террористам, уничтожающим палачей своего народа. Индивидуальный террор аморален, если он направлен против невинных людей».

Нельзя же предположить у автора такой степени интеллектуальной недоразвитости, чтобы он не задался вопросом: кто будет разделять на «невинных» и «виновных»? До сих пор террористы никогда не прибегали к третьейскому суду, а вершили его сами. Вероятно, баскские террористы (пример которых с сочувствием приводит Плюц), стреляя в полицейского, считают, что он виновен если не лично, то как представитель виновного государства. Но ведь и любой классовый или расовый террор основывается на таких взглядах. Очевидно, здесь мы имеем, правда еще робкую, апологию политического террора, а тогда как это связать с идеалами западной демократии? Да и большинство авторов сборника «Демократические альтернативы» высказывают свою приверженность социализму, и заканчивает сборник документ «Российские демократические социалисты за рубежом». Перед нами, очевидно, какие-то другие демократы: социалистические. Но это уже не современная западная демократия, а некая альтернатива ей, то есть как раз то, против чего так страстно борется Янов. Как же тогда понять его участие в этом сборнике? Если он считает таким решающим аргументом, что «никакой особой русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно», то не должен ли он был прежде всего обратиться с этим аргументом к своим единомышленникам и соавторам по сборнику, ибо ведь уж синтез-то демократии западного типа с социализмом (например, с «полным имущественным равенством») в истории, безусловно, до сих пор не был известен?

---

⁹ А. Краснов (А.А. Левитин) – церковный деятель, принимавший в 20-х годах активное участие в движении «обновленцев», направленном на раскол Православной церкви: был секретарем руководителя этого движения А. Введенского. После того как движение «обновленцев» сошло на нет, вернулся в Православную церковь. В связи с его церковной деятельностью был арестован. В 1960-е гг. протестовал против массового закрытия церквей при Хрущеве. Был вновь арестован и осужден на 3 года. Отбыв срок, эмигрировал. В нескольких работах развивает идеи объединения христианства с социализмом.

¹⁰ Л. Плюц – марксист, но критически относящийся к некоторым сторонам советской жизни. Написал несколько работ в этом духе, был членом «Инициативной группы по охране прав человека». Был арестован, признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. Его арест вызвал широкое движение на Западе: протестовал даже вождь французской компартии. Плюц был освобожден, эмигрировал и продолжает развивать на Западе свои марксистские взгляды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.